

Тайваньский пролив вот уже более полувека был и остается одной из наиболее конфликтных зон Азиатско-Тихоокеанского региона. Большинство процессов взаимодействия между всеми региональными акторами в сфере безопасности невозможны без учета позиций по «проблеме присоединения». В свою очередь и вопрос распространения оружия массового уничтожения в регионе также несет на себе отпечаток этой проблемы. Основным примером тому – позиция КНР на шестисторонних переговорах в Пекине. Многие исследователи склоняются к мнению, что северокорейская ядерная программа используется как один из основных козырей в процессе торга между Пекином и Вашингтоном по вопросу обеспечения безопасности в проливе и контроля над островом¹.

В то же время статус Тайваня в системе международных отношений является уникальным. «Мятежный остров» обладает абсолютно всеми признаками государства. Он имеет фиксированную территорию, определенное население (и систему гражданства), централизованные органы власти, собственные внешнеполитические национальные интересы, в состоянии обеспечивать свою безопасность, имеет определенный уровень международного признания. Таким образом, на практике за Тайванем прочно закрепилось расхожее определение «государство de facto»². Конечно, Тайвань не является в полной мере признанным государством, и в современном международном праве он может рассматриваться как «особая территория» или «зона», статус которой до конца не определен.

На данный момент Тайвань признается в качестве отдельного суверенного государства 26 странами. В частности такими, как: Парагвай, Чад, Науру, часть государств Океании. Большинство из них можно смело отнести если не к странам третьего мира, то к странам развивающимся, или же государствам, не имеющим серьезного веса на геополитической арене. Большинство из них поддерживает Тайбэй в обмен на регулярные кредиты, займы, гуманитарные поставки³. Зачастую проблема самоопределения таких государств относительно «принципа одного Китая» становится причиной смещения местных правительств. Как правило, в таких государствах ведется жесточайшая борьба протайваньских и прокитайских лоббистских кругов, а принятие того или иного решения серьезно видоизменяет государственный бюджет. Инциденты «покупки признания» не единичны. Так, например, в 2004 г. закончилось двухмесячное противостояние КНР и Тайваня за признание со стороны государства Вануату, которое в итоге выиграл Пекин, однако за время этого кризиса сменилось несколько кабинетов министров Вануату. В 2003 г. Китай предложил государству Доминика (в бассейне Карибского моря) 117 млн долларов за разрыв отношений с Тайванем. Доминика немедленно попросила у Тайваня 58 млн долларов за сохранение признания и, получив отказ, взяла деньги у Пекина. А вот Либерия денег от Пекина не получила. Однако когда эта африканская страна решила с выгодой для себя договориться с Тайванем, то Пекин пригрозил заморозить оплату миротворцев ООН на территории Либерии⁴.

За последние годы, когда процесс воссоединения тем или иным путем становится все более неизбежным и очевидным (автором воспринимается исключительно в таком ка-

честве!), мы можем заметить тенденцию катастрофической убыли в рядах приверженцев Тайваня. За последние пять лет Тайвань потерял четыре ранее признававших его государства: Гренаду, Македонию, Либерию и Доминику.

Однако Тайвань активнейшим образом пытается, с одной стороны, удерживать на своей стороне международное общественное мнение, с другой – всеми возможными способами увеличить уровень своего присутствия и влияния в основных международных организациях. На момент написания данной работы Тайвань в той или иной форме является членом организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Всемирной торговой организации (ВТО) – в качестве «особой таможенной зоны», ДНЯО, МАГАТЭ. Помимо этого, государства, признающие Тайвань, с завидным постоянством пытаются инициировать процесс принятия «мятежной провинции» в состав ООН в любом виде⁵.

Кроме того, особо необходимо оговорить тот факт, что отношения с Тайванем вынуждены поддерживать абсолютно все акторы международных отношений. В том числе и материковый Китай. Как правило, многие государства имеют в Тайбее свои неофициальные представительства, выполняющие посольские и консульские функции.

Сегодня мы можем говорить об определенном кризисе глобальной системы безопасности, процессе ее структурной трансформации. В связи с этим на карте мира появляется все большее количество так называемых «серых зон», то есть квазигосударственных образований, претендующих на обретение независимости, суверенитета и международного признания *de jure*. К их числу относят: Абхазию, Южную Осетию, Нагорный Карабах в Закавказье⁶, Приднестровье, Северный Кипр, Западную Сахару, Сомалиленд и др. Помимо того, что эти районы сами по себе имеют достаточно серьезный дестабилизирующий потенциал, внося огромное количество переменных в геополитические уравнения на региональном уровне, подобные «серые зоны» зачастую объективно являются оплотом организованной преступности, наркотрафика, работоторговли, торговли оружием. Как правило, система управления в таких государствах *de facto* также оставляет желать лучшего, она насквозь коррумпирована, в них преобладает клановость, представители органов власти, руководители на всех уровнях не просто слились с финансовыми потоками, они стали неразделимы. В таких регионах полностью соответствует действительности не только известный тезис председателя Мао «винтовка рождает власть», но и тезис «власть дает деньги».

Судя по всему, в ближайшее время мы не найдем путей неконфликтного разрешения проблемы «серых зон». Прецеденты мирного урегулирования сепаратистских противоречий, такие, как разделение Эфиопии и Эритреи – скорее исключение, подтверждающее общее правило. Поэтому существование «серой зоны» в том или ином регионе априори означает существование там же «замороженного» или латентного конфликта, а следовательно, и катализатора и без того активно происходящих процессов эрозии системы безопасности.

В связи с этим ряд исследователей обратились к проблеме «серых зон» с целью поиска метода их адаптации к уже существующим механизмам. Это своего рода попытка «вписать» новые элементы в уже существующие схемы. Например, об этом говорится в работе Д. Линча (*Lynch D. Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. US Institute of Peace. Washington, D.C. 2004.*). В этих условиях сам по себе напрашивается вопрос об уже существующих моделях «вовлечения» таких взрывоопасных «серых зон» в общемировую глобальную структуру международных отношений. Тайвань как достаточно серьезный региональный актор мировой политики неизбежно воспринимается как объект подобных сравнений и аллюзий. В частности, в работе Д. Линча ему также нашлось место как примеру государства *de facto*, но, если возможно так выразиться в отношении геополитического игрока, «правильного» государства *de facto*.

На наш взгляд, использование компаративного метода исследования в данном конкретном случае не представляется в полном смысле адекватным. По одной простой причине. Тайвань, строго говоря, нельзя назвать «серой зоной», к нему не может в полной мере применяться и термин «государство *de facto*» с той смысловой нагрузкой, с какой он

применяется к Абхазии или Нагорному Карабаху. Одной из главных маркировок государства *de facto* в трактовке Линча является «непризнание другими» субъектами международных отношений⁷. Однако применительно к Тайваню этот подход не действует. Во-первых, Тайвань *de facto* обладает признанием практически всех акторов международных отношений, в том числе и КНР, о чем уже говорилось выше.

Во-вторых, и это наиболее важно, главное отличие Тайваня от других государств *de facto* лежит в истории возникновения и формирования конфликтной зоны как таковой. Тайвань БЫЛ признанным государством, обладал ВСЕМИ функциями, обязанностями и полномочиями представительства на мировой арене. До 1971 г. именно Тайвань являлся юридическим воплощением всего Китая. В силу геополитических причин он потерял этот статус, однако неоспоримо имеет абсолютно иной имидж в глазах мировой общественности, нежели, например, самопровозглашенные республики. Долгое время, да отчасти и сегодня, Тайвань рассматривал себя не как суверенное государство, а как «законное правительство Китая, захваченного красными мятежниками». То есть Тайвань – не сепаратистское образование, каковым является большинство «серых зон». Более того, именно в связи с этим Тайвань имеет возможность позиционировать себя в некоторых международных организациях и договорах. В частности, и в интересующем нас ДНЯО, в который Тайвань первоначально вошел в 1968 г. еще как полноправный член Совета Безопасности ООН (Тайвань прекратил свою деятельность в ООН осенью 1971 г.)⁸. Сравнительная таблица некоторых непризнанных государств мира приведена ниже.

Таким образом, на наш взгляд, Тайвань по определению не может быть «примером» для «серых зон», однако вопрос может быть представлен в ином ракурсе. Может ли тайваньский опыт быть применен для «серых зон» в конкретных сферах безопасности, таких, как, например, вопрос распространения ОМУ?

Действительно, достаточно привлекательной выглядит идея снижения дестабилизирующего потенциала «серых зон» путем «вовлечения»⁹ их в структуру механизмов глобальной безопасности. В этом аспекте рассмотрение особого статуса «мятежного острова» в рамках существующего режима представляется особенно актуальным.

Тайвань является членом ДНЯО, он подписал Договор в 1968 г., в 1970 г. ратифицировал его. 13 октября 1969 г. правительство Республики Китай подписало Соглашение о гарантиях МАГАТЭ¹⁰. Спустя еще два года было подписано двухстороннее соглашение между Тайванем и США о постановке ядерной инфраструктуры острова под гарантии США¹¹. Однако в связи с изменением своего международного статуса сегодня Тайвань во всех официальных документах МАГАТЭ отражается как «особая территория», на которую распространяются гарантии¹². Тайванем был подписан и принят к реализации и Дополнительный Протокол, ядерные объекты острова многократно подвергались инспекциям МАГАТЭ. Помимо этого, Тайванем была подписана и ратифицирована КБТО, и сегодня статус острова в ней идентичен его статусу в ДНЯО. Представители Тайваня в качестве наблюдателей принимают участие в работе обзорных конференций по КЗХО, хотя в этот договор Тайбэй официально так и не вошел.

В итоге Тайвань, не обладая всеми правами государства в международных организациях, является одной из опор режима нераспространения. Поэтому остров может восприниматься как одна из побед системы нераспространения в ее сегодняшнем виде¹³. Этому есть достаточно веские основания: Тайвань неоднократно развивал бурную деятельность в отношении собственной военной ядерной программы, в том числе и тайно. Успехи его на этом поприще были достаточно впечатляющими. Однако во многом именно благодаря контролю со стороны МАГАТЭ и США, а также благодаря постоянному опасению руководства острова лишиться поддержки мировой общественности Тайвань вынужден очень аккуратно стараться придерживаться принятых на себя обязательств, а также норм ДНЯО и Дополнительного Протокола.

Таким образом, мы имеем своего рода прецедент, метод, с помощью которого можно повысить уровень контроля над распространением ОМУ и его компонентов в «серых зонах». Более того, некоторые из таких государств *de facto*, судя по всему, готовы поддерживать подобные инициативы. Есть данные, например, что руководство непризнанного

Карабах может выступить с заявлением о желании присоединиться ко всем международным режимам нераспространения¹⁴.

Однако стоит всерьез задуматься – к чему такие шаги могут привести? Даже если на время отстраниться от неизбежного противодействия со стороны государств, претендующих на эти территории и юридически имеющих на них права. «Серые зоны» заинтересованы во вхождении в рамки режима вовсе не из стремления стабилизировать обстановку, а исключительно из статусных соображений. Следовательно, совсем не обязательно подписание ДНЯО руководством самопровозглашенной республики N приведет к выполнению всех норм Договора и снижению опасности передачи и транзита опасных материалов и компонентов через территорию данной республики, если этот «ядерный бизнес» может приносить доход представителям местных элит.

Кроме того, в возможности подобного «допуска» государств *de facto* в существующие механизмы и режимы скрывается своего рода молчаливое поощрение центробежных тенденций, которые тем самым могут катализироваться в полиэтничных и поликонфессиональных государствах. Кому как не Российской Федерации опасаться таких схем. Да, трудно спорить с определенным соблазном выйти на путь своего рода «политики умиротворения», с желанием снизить конфликтный потенциал путем «вовлечения», однако исторический опыт показывает, что такой путь далеко не всегда дает те плоды, на которые рассчитывает мировая общественность. Ведь и Мюнхенский договор 1938 г. заключался ради стремления избежать широкомасштабных конфликтов.

С другой стороны, использование «серых зон» ведущими акторами для расширения собственного геополитического влияния в регионах традиционно является одним из рычагов мировой политики. Причем это именно двухстороннее сотрудничество, которое, по большому счету, стабилизирует международную обстановку. Иначе говоря, налаженные связи непризнанного государства N с каким-либо сильным игроком, как правило, помогают удерживать вооруженный конфликт с «метрополией» в замороженном состоянии.

Игнорировать проблему «серых зон» мировая общественность тоже не может, особенно учитывая геополитическую ориентированность этнополитических квазигосударственных образований, зачастую подогреваемую еще и религиозной рознью с бывшей «метрополией», на обретение хотя бы ограниченного международного признания. Пойти по пути наименьшего сопротивления в данном случае такие государства, как Россия, просто не имеют права как с точки зрения защиты собственных геополитических интересов в регионах, так и с точки зрения сохранения безопасного *status quo* в ареале собственного геополитического присутствия. А как мы знаем из истории, «государства *de facto*» могут быть самыми верными союзниками для поддерживающего их сильного государства.

Поэтому стоит говорить не о безусловном «вовлечении», которое предлагает Д. Линч, а скорее о «вовлечении ограниченном», масштабы которого должны определяться национальными и региональными интересами безопасности. Возможно сохранение состояния «политического гомеостаза», поощрение внутреннего развития, экономического, социального, политического, при сохранении *status quo* относительно мирового признания есть лучший политический курс. Это довольно циничный, но выгодный для всех (в том числе и для населения непризнанных государств – возможно, кроме политических элит) принцип политики «разделяй и властвуй».

Вернемся к Тайваню. С момента потери островом международного признания *de jure* именно такой принцип был выбран США в отношении берегов Тайваньского пролива. Возможно, американо-тайваньская модель «вовлечения» должна быть использована Россией в отношении таких государственных образований, как Нагорный Карабах, Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия? С точки зрения контроля над распространением ОМУ, на наш взгляд, «лакмусовой бумажкой» может стать соглашение о двухсторонних гарантиях между островом и США. Именно такое соглашение сыграло решающую роль в ограничении ядерных претензий Гоминьдана. Этот подход вполне может быть использован РФ в отношении «серых зон» на территории бывшего СССР, он позволит усилить контроль России над безопасностью в регионе и одновременно с этим снизит общий риск распространения ОМУ.

Сравнительная таблица непризнанных государств мира¹⁵

Непризнанное государство	Территория тыс. кв. км	Население тыс.	ВВП млн долл.	Государственный строй	Международное признание	Торговые партнеры	Режим нераспространения	Численность ВС	Инфраструктура объектов, имеющих отношение к ОМУ	Переговорный процесс по урегулированию
Абхазия	8,7 тыс. кв. км	320 тыс.	53,8 млн долл.	Президентская республика	СНГ-2 ¹⁶	Ряд субъектов РФ, финансовая помощь благотворительных организаций	–	5 тыс. чел. Мобилизационный резерв около 15 тыс. чел	Сухумский физико-технический институт. НИИ экспериментальной патологии ¹⁷	Официально идет переговорный процесс с грузинской стороной
Южная Осетия	3,2-3,9 тыс. кв. км	80 тыс.	Точных данных нет	Унитарная президентская республика	СНГ-2	Ряд субъектов РФ, финансовая помощь и инвестиции Великобритании и Швейцарии. Благотворительные организации	–	Около 5 тыс. чел. Точных данных нет	–	Официально переговоры не ведутся
Нагорный Карабах	4,4 тыс кв км	Точных данных нет	59,5 млн долл.	Президентская республика	СНГ-2, Армения	Армения, РФ, мощь международных гуманитарных организаций, помощь США	Выражает готовность присоединиться к всемирному, гуманитарная помощь США	Точных данных нет	Хранилища боевх отравляющих веществ, в том числе химического оружия нервно-паралитического действия ¹⁸	Интеграционный процесс с Арменией
Приднестровье	4,2 тыс. кв. км	555,5 тыс.	213,1 млн долл.	Президентская республика	СНГ-2	РФ, Молдова, США	–	7,5 тыс. чел	–	Переговоры с Молдовой ведутся с 1992 г.
Турецкая Республика Северного Кипра	3,4 тыс. кв. км	Около 150 тыс.	820 млн долл.	Унитарная президентская республика	Турция	Турция, Великобритания, ЕС	–	Точных данных нет	–	С декабря 1999 г. ведутся переговоры для урегулирования проблемы

Республика Сомалиленд	Точные границы не определены	Точных данных нет	Нет данных	Парламентская республика	-	ЕС финансирует реконструкцию порта Бербера, гуманитарная помощь неправительственных организаций (Италия)	Точных данных нет	Перманентная гражданская война на границах
Тайвань	36 тыс. кв. км	22,7 млн	357 млрд долл.	Президентская республика	Признание 26 государств, <i>de facto</i> всех государств мира, участие в ряде международных организаций	Все	290 тыс. чел	Переговорный процесс <i>de facto</i> , соглашение, официально достигнутое между берегами пролива – «Консенсус 1992 г.»
Эритрея ¹⁹	121,3 тыс. кв. км	4,1 млн	2,6 млрд долл.	Президентская республика	-	Эфиопия, Судан, Италия, Германия, ОАЭ, Йемен, США	Точных данных нет	Переговоры с Эфиопией, завершившиеся в итоге признанием Эритреи

Примечания

- ¹ Чжунго Чаосян шиянцзюхуэй цзюйбань «Чаосянбаньдао хэ вэньти юй дунбэйя аньцюань сюэшу таолуньхуэй» [Организованный институтом исследования истории Китая и Кореи «круглый стол» «Ядерная проблема Корейского полуострова для безопасности в Северо-Восточной Азии»]. http://www.cass.net.cn/chinese/s22_sls/index/dongtai_txt/dt_gxxsttdt_2003_txt/20041210001.htm
- ² Lynch D. Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. US Institute of Peace, Washington, D.C., 2004.
- ³ Тайвань восстановил дипломатические отношения с государством Науру. *РИА Новости*. 2005, 14 мая.
- ⁴ Тайвань купил дипотношения с Вануату. <http://www.7news.ru/more.cfm?id=7718&CountryID=139&CategoryID=1>
- ⁵ Тайвань в 13-й раз пытается вступить в ООН. *Центр новостей ООН*. 2005, 12 августа.
- ⁶ Кобяков Д., Кириченко Э., Язькова А. «Серые зоны» распространения в Закавказье. *Ядерный Контроль*. 2004, №4.
- ⁷ Цит. по: Орлов В. Из тени в свет... или На чистую воду. *Ядерный Контроль*. 2005, №2.
- ⁸ Цветков И.А. Политика США по отношению к тайваньской проблеме, 1949–1999 гг. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. СПб., 2000.
- ⁹ Орлов В. Указ. соч.
- ¹⁰ The Text of a Safeguards Agreement between the Agency and the Republic of China. IAEA INFCIRC/133. 1969, 30 October.
- ¹¹ The Text of a Safeguards Transfer Agreement Relating to a Bilateral Agreement between the Republic of China and the United States of America. IAEA INFCIRC/158. 1972, 8 March.
- ¹² Kerr P. IAEA Investigating Egypt and Taiwan. *Arms Control Today*. 2005, January/February. http://www.armscontrol.org/act/2005_01-02/Egypt_Taiwan.asp?print
- ¹³ Тимербаев Р. Режим ядерного нераспространения на современном этапе и его перспективы. *Научные Записки ПИР-Центра*. 2004, №1 (25). С. 16.
- ¹⁴ Кобяков Д., Кириченко Э., Язькова А. Указ. соч.
- ¹⁵ Составлена С.В. Понамаревым.
- ¹⁶ Содружество непризнанных государств. Организация, созданная Абхазией, Южной Осетией, Нагорным Карабахом, Приднестровьем. Неоднократно проводились саммиты на уровне МИДов этих государственных образований.
- ¹⁷ СФТИ занимался проблемой центрифуг, НИИЭПТ хранил и проводил опыты с радиоактивными материалами.
- ¹⁸ По заявлениям азербайджанской стороны, специальная комиссия ООН эти данные не подтвердила.
- ¹⁹ Приведенные для сравнения данные по Эритрее соответствуют 1993 г. – году обретения государством официальной независимости и признания.